

Для Фан Шу Хо Тайлин вызывал некоторое беспокойство, и он был рад, что внимательный Эрлян остался снаружи.

Эрлян понял его и кивнул:

— Молодой господин, не беспокойтесь.

Трое вошли во двор. Двор был большим, вероятно, самым большим в деревне. Из дома вышли два крупных мужчины, примерно такого же роста, как Фан Шу, но гораздо крепче. В деревне было намного теплее, чем снаружи, и один из мужчин был с голыми руками, весь в поту, с топором в руках, видимо, только что рубил дрова.

Сначала двое мужчин были насторожены, но староста что-то пробормотал перед ними, и Фан Шу не смог разобрать, что именно.

Двое мужчин не только перестали быть настороженными, но и стали гораздо дружелюбнее, поспешив пригласить их войти внутрь.

Староста представил их как своих сыновей. Тот, кто был с голыми руками, был вторым сыном Цзян Миньчжэном, а другой — старшим сыном Цзян Миньчжуном. Цзян Миньчжун был слегка неопрятен и поспешил поправить одежду.

Хо Тайлин шепнул Фан Шу на ухо:

— Кажется, этот человек только что наслаждался весенней росой...

Он имел в виду Цзян Миньчжуна.

Фан Шу, не подавая виду, снова осмотрел братьев. Цзян Миньчжэн был немного глуповат и пристально смотрел на Фан Шу. Фан Шу встретился с ним взглядом и поспешил отвести глаза. Топор в руках Цзян Миньчжэна выскользнул и упал на землю с громким звуком, напугав старосту. Лицо старосты изменилось, и он, казалось, забыл о гостях, начав ругать Цзян Миньчжэна. За секунду до этого было тихо и спокойно, а через мгновение разразилась буря. Все трое замерли, но Цзян Миньчжун спокойно наблюдал за своим братом, который согнулся под гневом отца, а затем вошёл в дом.

Фан Шу пришёл для дружеского общения и, естественно, не понимал ругательств на корейском. Внутри него разыгралось беспокойство, и в голову полезли неприятные воспоминания.

Цзян Миньчжэн был так руган, что встал на колени. Он крепко сжал колени, и крупный мужчина выглядел растерянным.

Фан Шу, видя, что староста не собирается останавливаться, слегка кашлянул, и староста,

наконец, осознал свою несдержанность, изменил выражение лица и с улыбкой сказал:

— Прошу прощения! Пожалуйста, заходите внутрь, попьём воды!

Он крикнул на второго сына, который поспешно поднялся, взглянул на Фан Шу, поднял топор и отошёл.

Корейские дома строились совсем не так, как в Центральных равнинах. В Центральных равнинах это называлось «дверью с засовом», а Фан Шу подумал, что здесь это должно называться «раздвижной дверью»: раздвинутая дверь — открыта, сдвинутая — закрыта. Пол и стены были сделаны из деревянных досок, и староста, войдя в дом, снял обувь и вошёл босиком. Следуя местным обычаям, Фан Шу и другие тоже сняли обувь и носки и вошли в дом.

В доме висели занавески, а в центре стоял низкий чёрный деревянный стол. Староста сел, скрестив ноги, и пригласил их сесть. Фан Шу подумал: «Японцы любят кланяться, корейцы сидят на полу, все как-то странно!»

Сев, Фан Шу не забыл о цели своего визита и уже собирался спросить, как вошли несколько женщин, которые принесли еду и воду, а также бутылку с крепким алкоголем. Фан Шу нахмурился, а Е Цзинчжоу, который не пил, явно выразил своё отвращение.

Хо Тайлин почувствовал что-то странное и стал внимательно наблюдать.

Староста представил их как свою первую жену и вторую наложницу. Наложница была очень милостивой, ей было чуть больше двадцати, а первая жена была пожилой женщиной, подходящей старосте, но в её глазах была мрачность, и даже морщины на лице выражали печаль.

Фан Шу не интересовался его семейными делами и прямо спросил:

— Несколько дней назад мы слышали, что вокоу напали на деревню и убили несколько семей. Это правда?

Староста вздохнул, не ответив прямо, взял пустую чашку и налил им вина:

— Попробуйте, это местное вино «Цюйэрю».

Е Цзинчжоу был человеком нетерпеливым и, видя, как он наливает вино, подумал, что это будет долгий процесс. Он спросил Фан Шу:

— Этот старик! Собирается ли он говорить о деле?!

Хо Тайлин поднял чашку, понюхал и выпил. Вино было крепче, чем на горе Ханьнашань. Он сказал:

— Это вино... чтобы мы начали говорить о деле?!

Фан Шу тоже перестал церемониться с этим старостой и прямо спросил:

— Пострадали ли жители деревни?

Староста, видя их настороженность, начал рассказывать Фан Шу, но не о недавних событиях, а о прошлом. Более ста лет назад их предки, преследуемые местными чиновниками и помещиками, покинули родные земли, и вся деревня была вытеснена в этот густой лес. Люди, оказавшиеся в безвыходной ситуации, той же ночью во сне увидели старого сгорбленного земного бодхисаттву, который указал их предкам путь к этому месту. Прожив здесь год в мире и спокойствии, однажды ночью предок старосты снова увидел во сне этого бодхисаттву в лохмотьях, который сказал ему: «Чтобы жить в мире и процветании, вы должны ежегодно приносить ему жертвы».

Здесь староста замолчал. Фан Шу не верил в эти жертвоприношения, но любопытство его разгорелось. Он спросил:

— Какие жертвы?!

Староста покачал головой и не ответил, только сказал:

— Наверное, сегодня мы не принесли жертвы, и это привлекло злых духов. Недавние события — это предупреждение, гнев божества!

Фан Шу был в недоумении. Видно, что эта деревня давно потеряла связь с внешним миром. Они даже не знали о войне, которая охватила половину Кореи, и принимали японских захватчиков за карающих духов.

— А... а что с теми семьями?

— Эх... В одной семье шесть человек были зарезаны, их скот пропал, а в другой остались только брат и сестра, которые сейчас сидят в трауре... Эх...

Говоря это, староста уже не улыбался.

— Вы слышали какие-то звуки?

— Мой младший сын услышал шум, взял топор и вышел, но увидел несколько теней, скрывшихся в лесу.

— Несколько теней?! — Фан Шу сосредоточился на слове «несколько». Накануне Лю Большой Меч также говорил, что японцев, вероятно, не больше десятка, но точно он сказать не мог.

— Несколько злых духов тоже очень страшны!

Видно, что от старосты больше ничего не удастся узнать.

По просьбе Фан Шу староста согласился отвести их в дом погибших.

Только выйдя за дверь, они встретили женщину, выходящую из бокового двора Цзян Миньчжуна. Присмотревшись, они увидели, что это была одна из тех, кто обсуждал Е Цзинчжоу. Е Цзинчжоу и женщина оба были удивлены, и женщина, смутившись, убежала. В дверях стоял Цзян Миньчжун, улыбаясь и поправляя белую повязку на лбу.

Цзян Миньчжэн, одевшись во дворе, увидел, что они выходят, и поспешил подойти. Староста, казалось, недолюбливал второго сына и снова отругал его, но всё же взял с собой. По пути он то и дело оглядывался на Фан Шу, и каждый раз отец бил его по голове.

Хо Тайлин шёл рядом с Фан Шу, и они шептались.

Хо Тайлин, казалось, намеренно приблизился, и его дыхание щекотало ухо Фан Шу. Он услышал его низкий голос:

— Наложница, ты заметил что-то особенное в этой деревне?

Ладно, он привык называть его наложницей, и здесь не стоило с ним спорить. Кроме того, помимо обращения, он говорил о деле.

— С момента входа в деревню я видел только стариков, женщин и детей. Кроме двух сыновей старосты, нет других молодых мужчин... Брат тоже находит это странным.

Фан Шу в конце тоже хотел поддеть его, не позволяя ему называть его братом или младшим братом, он тоже это делал.

Хо Тайлин:

— И ещё... Все эти люди кланяются старосте, наложница не думает, что староста похож на императора этого рая? Его наложницы и женщины тоже не занимаются тяжёлой работой, а двор у него самый большой. Посмотри, у других дома даже протекают...

Это было понятно и Фан Шу:

— Даже в такой маленькой деревне есть свои правила, даже у животных есть иерархия, что тут странного?

Хо Тайлин заметил, что Цзян Миньчжэн оглядывается на Фан Шу, и, воспользовавшись моментом, обнял его за талию, ещё ближе прижавшись к его уху:

— Наложница права...

Фан Шу, в свою очередь, попытался оттолкнуть его локтем, но тот поймал его руку, и это выглядело как флирт.

Как и ожидалось, Цзян Миньчжэн отреагировал так, как предполагал Хо Тайлин. Он разозлился, и староста снова его отругал.

— Что ты делаешь?! — прошипел Фан Шу. Хотя он не взял с собой Эрляна и других, вокруг были жители деревни. Что подумают эти простые люди, увидев это?!

Хо Тайлин убрал руку и сказал:

— Ты же хороший брат...

Эти слова «хороший брат» лишили Фан Шу гнева. Он сердито посмотрел на него и отошёл к Е Цзинчжоу.

<http://bllate.org/book/15514/1378221>